

Принципы системной устойчивости экономики в период кризиса

Следует здраво относиться к кризису, я не верю в то, что кризис может стать санитаром леса, очистить нашу экономику от всего излишнего, оставив в ней наиболее эффективное и пользующееся спросом. Как мы видим из предыдущих четырех кризисов, которые мы успели прожить за последние 25 лет, этого не происходит и не произойдет. В кризис выживают те субъекты экономики, которые обладают либо случайными преимуществами, либо преимуществами эгоизма и себялюбия. С такими субъектами экономика далеко уйти в современном мире вряд ли может.

Так вот, чем может быть кризис на самом деле? Уж если я сказал, чем он не может быть, то хотелось бы понять, чем он может быть. И вот на этот вопрос такой общий ответ: он может послужить переключателем того экономического пути, на которой мы встали и по которому продолжаем идти – переключателем на некоторой другой экономической путь, который связан с пересмотром не только конкретной экономической политики, но и того фундаментального базиса экономической теории, на котором эта политика базируется. Вот эти надежды, которые питают обычно юношество, как сказано у поэта, но и не только юношество – некоторые седовласые, даже лысоватые господа имеют счастье испытывать по отношению к кризису. Сбудутся ли эти надежды – пока не очень верится и не очень видится.

Но что все-таки конкретно хотелось бы, что является вариантами экономики в период кризиса? На этой презентации нарисована такая иерархическая схема, во главе которой вверху стоит государство, за ним идут регионы и отрасли, под ними расположены предприятия и домохозяйства, и, наконец, на самом нижнем уровне располагаются физические лица, индивидуумы. Вот эта иерархическая схема представляет собой структурный каркас ядра экономики, это субъекты. Государство – субъект международных отношений, регионы – субъекты федерации, предприятия – это хозяйствующие субъекты, и индивиды – это субъекты социума.

Эта схема, точнее говоря этот состав экономических субъектов, мне представляется, должен быть сохранен всеми силами. Это очень серьезное заявление, как его обосновать? Понятно, что речь о том, чтобы не сохранять государство или менять региональную структуру субъектов федерации, сейчас не идет. Но для того, чтобы физические лица, мы с вами, сохранились, необходимо сохранить и микроэкономический слой, а именно слой хозяйствующих субъектов. Мы сегодня находимся в одном из таких субъектов, благодаря тому, что он сохраняется, слава богу, мы надеемся завтра прийти на свои рабочие места с тем, чтобы эти субъекты, в которых мы работаем, тоже сохранились.

Сейчас, к сожалению, этот принцип, первый принцип, который я бы хотел зафиксировать, я бы назвал принципом субъектосохранения. Конечно, он не может быть выполнен в абсолютном выражении, но к нему следует стремиться. А что это значит? Это означает, что банкротство предприятий, что резкие преобразования административно-территориальной структуры, которые сейчас тоже появляются, это означает, что домохозяйства должны получать поддержку, домохозяйства это тоже субъект экономики, без которых нам с вами не прожить. И это означает, что сокращение занятости на предприятиях должны быть минимизировано в максимально доступной степени.

Я предпочитаю ситуацию, когда люди получают на предприятиях минимум зарплаты или даже вообще ее не получают, но работают на предприятии, могут общаться друг с другом, и могут в конце концов получить там тарелку супа в день, по сравнению с той ситуацией, когда они с некоторым маленьким, так сказать, парашютиком, далеким, конечно, от золотого, когда они с парашютиком на пару недель или месяцев выходят из предприятия и все – и растворяются в бескрайнем мире экономики, а точнее говоря – в мире без экономики. Ибо устроиться на другую работу вряд ли возможно, сейчас не то время. И вот поэтому мне кажется, что государство должно направить свои силы на сохранение этих субъектов и на сохранение занятости в них.

Я тут выступал в одном собрании с таким заявлением, и от одного из руководителей крупнейшего предприятия страны, который сократил, по-моему, 3000 человек, услышал: «А как же тогда мы будем повышать производительность труда, если мы не будем сокращать?» Это производительность труда в смысле О.С. Сухарева, то есть, полученная делением объема выручки на численность. Но это верх лукавства. Если мы будем сокращать такими темпами, мы получим просто толпы людей, не имеющих пристанища в этой жизни, со всеми вытекающими отсюда последствиями. И неважно, откуда мы их сокращаем: из МВД, предприятий автомобильной промышленности, и так далее – все это резерв не экономики, это резерв криминала. Позвольте мне такое сильное утверждение сделать. Значит, принцип субъектосохранения является, на мой взгляд, основным в период кризиса. Другой период – другие принципы.

Второй принцип, который хотелось бы провозгласить: принцип равноправия субъектов. Можно спросить: какое равноправие – тут физические лица, тут регионы, а тут государство. Да – все это субъекты, но мой тезис состоит в том, что в период кризиса должен быть реализован принцип солидарности этих субъектов, независимо от их масштаба, их нахождения на иерархической лестнице. Это очень серьезный идеал, к которому российское общество никакого отношения, можно сказать, не имеет. Вы сами прекрасно знаете, какое значение имеет административная вертикаль, и так далее. Нет смысла на этом останавливаться.

Однако, стремиться к тому, чтобы уравнивать в правах крупных субъектов, мелких субъектов и промежуточных субъектов – необходимо. И точно так же, как в функциональной сфере, это старается делать Федеральная антимонопольная служба, которая противостоит монополизму. Точно так же в административной структуре должна быть создана та или иная организация, которая противостоит неравенству или монополизму, выражаясь по аналогии с чисто экономической сферой – монополизму крупных субъектов.

В период кризиса... Кризис одновременно напал на все субъекты, и все субъекты должны нести свою долю ответственности и долю, может быть, даже решений. Вот это второй принцип. И третий принцип связан со сбалансированностью экономики. Кризисы происходят от дисбалансов, эти дисбалансы охватывают всю толщу экономики. Если говорить о предприятиях, предмете, который мне ближе всего – дисбалансы там вопиют. Права и обязанности таких групп, собственники, менеджеры, работники, специалисты – вопиющим образом неравномерны, и кроме того – права и обязанности между собой также неравномерны у каждой группы. Если собственник имеет, как правило, максимальные права, то наемный работник имеет минимальные права. В кризис такая ситуация приведет к нарушению принципа субъектосохранения, и уже приводит. За счет неравенства прав собственников и других участников производства уже приводит к сокращению предприятий, и всему, о чем я говорил до этого. В завершение что бы мне хотелось сказать? К сожалению ситуация далеко непростая.

Она непростая не только в экономическом смысле, она непростая в смысле осознания существующих реалий. Эти осознания базируются на некоторых положениях экономической теории, которая доминирует у нас в последние 25 лет, и которая называется вообще говоря неоклассической теорией, а если брать ее такое ядро, то называется монетаризмом. Монетаризм предполагает, что все зависит, и результатом всего, и фактором всего являются деньги. Ты вложил деньги – все поплыло, поехало, начало работать. И результат тоже оценивается в деньгах.

Вот этот денежный взгляд на экономику резко противоречит реальности, которая говорит, что все зависит не только от денег, а зависит от людей, от технологий, от культуры. И результаты тоже не просто денежные, результаты также измеряются сложным образом. Вот сегодня мы вопроса измерения, благодаря вопросам Оксаны Генриховны и ответам Олега Сергеевича немного коснулись, но под этими вопросами лежат вопросы экономической теории, и кризис должен стать пусковым механизмом для пересмотра той самой ортодоксальной экономической теории, которая во всем мире уже потеряла свое доминирующее значение, а у нас в России по-прежнему доминирует. Раньше говорили, что Россия это родина слонов, а теперь Россия это родина самых заядлых монетаристов, которые есть в мире.

ВОПРОСЫ:

Вопрос 1: Скажите, пожалуйста, для выполнения ваших предложений – кто и что должен сделать?

Ответ: Для выполнения этой программы, то, что я вам рассказал, это лишь принципы, верхушка, или фундамент – как угодно. Из каждого из этих предложений растет целая система мер, которые кто должен делать? Тот, кто задавал вопрос через вас, тот ваш доверитель, который задавал вопрос Олегу Сергеевичу, и вся вертикаль, включая Государственную Думу, руководителей предприятий, и включая работников этих предприятий, которые сейчас покорно соглашаются на увольнение из предприятий, поскольку кризис. Так вот, это понятие кризиса, эта аргументация должна быть коренным образом пересмотрена.

Вопрос 2: На первый взгляд экономика у нас сейчас напоминает пулю со смещенным центром тяжести. Она зашла и все думают, как ее вытащить. Второе – та правительственная программа, которая сейчас везде муссируется, чем-то напоминает мини-юбку, которая многое открывает, а главного не видно. Вопрос: мне как мелкому предпринимателю инновационного типа, есть ли у России черный лебедь, выпустит ли она его, и как будут чувствовать себя белые ласточки среди этого лебедя?

Ответ: Вы знаете, вы очень много сущностей затронули: и белый лебедь, и короткая юбка, и ласточки. Я не знаю, стоит ли нам так широко рассматривать нашу проблематику. Давайте мы будем задавать вопросы в тех терминах, которые использовал докладчик.

Вопрос: Спасибо большое, Георгий Борисович. Действительно, очень интересный взгляд. Только, к сожалению, вы сами не сможете оценить всеми измерениями, какое количество представителей правительства в состоянии это хотя бы понять. Не то что делать, хотя бы понять. Это риторическое замечание.

У меня вопрос следующий: можно во многом согласиться с принципом, что нужно сохранять субъекты, сохранять структуры субъектов, не только рынка, но и домашние хозяйства, и так далее. Но если не будет предпринимательского риска, если обанкротившийся собственник не будет терять собственность, то тогда любая рыночная стратегия будет крайне неэффективна.

Собственно говоря, так и спасали в 2008-2009 году крупнейших собственников, которые проводили абсолютно авантюристскую стратегию, были на грани технического дефолта. И они же, эти же структуры – на грани технического дефолта и сейчас. То есть, это получается приватизация прибыли и национализация убытков.

Ответ: Я согласен с этой оценкой, но все-таки свое мнение по поводу того, что делать в том случае, если данное предприятие благодаря собственнику или благодаря каким-то другим – менеджменту или просто конъюнктуре рынка оказалось на грани риска, значит, ответ такой: это предприятие нужно стараться максимальным образом сохранить. Почему? Зачем нам такие предприятия, которые близки к банкротству? Ответ простой, он базируется на принципе: мы находимся в кризисе, не в стадии развития, когда мы должны реструктурировать состав рынка, попытаться определить – кто эффективен, кто неэффективен, или доверить это рынку (тут разные точки зрения существуют). Мы сейчас находимся в ситуации выживания. Я не знаю, поняли ли это мои коллеги здесь, но меня это уже коснулось, просто, как гражданина.

И в этой ситуации нужно сохранить структуру и сбалансированность всех элементов экономики, без этого ничего не получится. Поэтому мне кажется, что должны быть созданы в регионах комиссии, которые рассматривают случаи банкротства; следует прекратить то, что называется обанкрочиванием – то, что делают службы, занимающиеся банкротством, когда они с радостью разрывают предприятие на мелкие части, чтобы от него не осталось ничего. В период кризиса такая стратегия невозможна, так же как и стратегия увольнения работников, которые недостаточно заняты на производстве. Если мы в кризисе, то институты развития должны уступить место институтам стабилизации.

Вопрос: Спасибо большое. Очень кратко. Я безумно уважаю вас как ученого, Георгий Борисович, но я просто не могу не ответить вам, как инвестор. И в кризисе и вне кризиса поддержание слабых умирающих предприятий приведет к поддержанию предприятий, которые не могут дальше функционировать. Это будет опять способствовать утеканию средств из бюджета. Дело в том, что если предприятие слабое и умирает, и предбанкротное состояние – это прекрасный лакомый кусочек для инвесторов. Мы сейчас, имея огромные мандаты со стороны инвесторов, смотрим умирающие предприятия на предмет их выкупа, санации, с тем, чтобы сохранить рабочие места. Это так называемые стрессовые активы. Но поддерживать умирающие предприятия путем государства, я считаю, нецелесообразно. Спасибо.

Ответ: Дорогие друзья, вопрос состоит не в том, чтобы поддерживать банки, посредников. Об этом Оксана Генриховна говорила очень ярко. И даже не в том, чтобы поддерживать предприятия, которые не нашли своего места в рынке. Речь идет о том, чтобы поддержать людей. У нас нет другого механизма обеспечения нормальной жизни людей трудоспособного возраста, кроме как работа их на предприятии. Другого механизма пока природа не создала, и служба занятости – это промежуточный элемент. Если мы хотим сохранить людей, то мы должны может быть даже умерить аппетиты инвесторов.

И последнее по этому поводу. Если собственник оказался неэффективным, в том смысле, что не смог удержать свое предприятие – он не единственный человек там. Там есть менеджмент, там есть рабочий коллектив, там есть специалисты – они могут взять на себя эту ответственность, если никто другой ее взять не может. Это не панацея, но это один из путей активизации вообще экономики.